

Зиссерман Арнольд Львович

**Двадцать пять лет на Кавказе
1842-1867**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А84

А84 **Арнольд Львович З.**
Двадцать пять лет на Кавказе 1842-1867: Часть 2 / Зиссерман Арнольд Львович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 447 с.

ISBN 978-5-519-86244-8

ISBN 978-5-519-86244-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

XXXV.

28-го апрѣля 1851 года, въ прекрасный солнечный день, когда праздникъ весны обнималъ свою излюбленную Грузію, когда и природа и люди тамъ носятъ печать какого-то добродушнаго веселья и беззаботности, когда въ воздухѣ какъ будто носится лозунгъ: „да ну, братцы, бросьте къ чорту всѣ ваши заботы, всѣ злобы дня, давайте пить и веселиться“— въ такое-то восхитительное утро, часу въ девятомъ, вышелъ я изъ своей квартиры къ столвшейся уже готовою и уложенною перекладной. И опять, какъ странствующіе рыцари, взобрались мы съ Давидомъ на это орудіе пытки, именуемое почтовою телѣгой, и понеслись въ далекія, еще нами невиданныя мѣстности обширнаго Закавказья.

Скачка на курьерскихъ, среди облаковъ пыли, по обнаженной, монотонно однообразной мѣстности, чрезъ Елисаветполь, Шемаху, Кубу и Дербентъ, не можетъ дать матеріала для мало-мальски интереснаго разсказа, еслибъ у меня въ памяти даже сохранились кое-какія подробности. Отъ одного города до другаго всѣ почтовые станціи почти исключительно выстроены въ степи, вдали отъ ауловъ мѣстныхъ жителей; ихъ очень мало встрѣчалось даже по дорогѣ; изрѣдка проѣдетъ одинъ-другой верхомъ; преобладалъ какой-то характеръ пустыни. Солнце жгло немилосердно. Былъ только лонецъ апрѣля, а у меня уже къ вечеру второго дня вся

правая сторона лица обгорѣла, покрылась черноватыми пятнами, а затѣмъ кожа полѣзла какъ послѣ обжога.

Въ Елисаветполѣ, кругомъ базарной площади, меня поразили громадной величины чинары. Въ Мингичаурѣ, переправляясь на паромѣ чрезъ Куру, я не узналъ своей тифлисской знакомки: изъ бурливой, быстрой, вѣчно шумящей рѣки она здѣсь обратилась въ широкую, глубокую, плавно несущую свои грязно-желтыя волны къ Каспію. Тутъ только можно было ясно видѣть, что мысль князя Воронцова учредить по ней пароходство—не химера, не безплодная затѣя, какъ старались представлять ее въ Тифлисѣ нѣкоторые скептики. Былъ заведенъ пароходъ, совершалъ нѣкоторое время рейсы отъ Сальянъ до Мингичаура и, кажется, выше по теченію Куры; потрачено было, безъ сомнѣнія на это не мало казны, но дѣло не пошло въ ходъ... Почему, въ чемъ встрѣтились затрудненія и препятствія—незнаю. Можетъ-быть и весьма уважительныя препятствія; но въ такомъ случаѣ нужно было предварительно основательно ихъ изслѣдовать, чтобы, во первыхъ, не бросать безъ пользы государственныхъ суммъ, во вторыхъ, не дискредитировать въ глазахъ невѣжественнаго населенія нашихъ нововведеній и попытокъ примѣнять плоды западныхъ открытій и изобрѣтеній. Вообще, наши подобныя предпріятія, все равно гдѣ бы мы ихъ ни затѣяли, на Курѣ или Амурѣ, какъ будто судьбой предназначены умирать преждевременною, трагикомическою смертію. Лѣтъ чрезъ десять послѣ попытки на Курѣ, была сдѣлана другая, на Кубани, и кончилась чуть ли не плачевнѣе. Для извилистой, довольно быстрой, усѣянной мелями и карчами рѣки, ухитрились приобрести въ Англіи какой-то забракованный длинный пароходъ, кажется за 95 тысячъ рублей. Совершивъ торжественное шествіе по Кубани, при помощи высадившихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ сотенъ казаковъ, входившихъ въ воду, чтобы стаскивать засѣвший на мель неуклюжій пароходъ, онъ былъ оставленъ у города Темрюка, *впредь до дальнѣйшаго распоряженія*. Годика черезъ три такого печальнаго прозябанія на берегу, его продали съ

аукціона какому-то провіантскому чиновнику за *шесть тысяч* рублей, а этотъ перепродалъ машину кому-то въ Керчь, какъ говорили, за *двѣнадцать тысячъ*.

Такихъ примѣровъ на одномъ Кавказѣ можно бы привести не мало, а съ прибавленіями бѣломорскихъ, амурскихъ и проч., крупно субсидированныхъ компаній, можно пожалуй составить изрядный томъ. Что же это за злая судьба, такъ жестоко преслѣдующая наши предпріятія, повидимому, истекающія изъ такихъ прекрасныхъ общепользныхъ побужденій? Особенныя географическія, климатическія, этнографическія условія? Рѣдкость и крайняя неразвитость населенія? Отсутствіе въ большинствѣ мѣстностей всякой заводской, фабричной дѣятельности? Скудоуміе, неопытность или недобросовѣстность органовъ созидающихъ и агентовъ приводящихъ въ исполненіе всѣ эти, столь много обѣщающія предпріятія? Можетъ-быть и то, и другое, и третье. Очень грустно! Не пора ли появиться наконецъ опытнымъ, хорошимъ діагностамъ?...

Раскинутая на крутой горѣ Шемаха, ежечасно угрожаемая землетрясеніемъ; далѣе Куба, переправа въ бродъ чрезъ быстрый Самуръ — переправа, сопряженная съ опасностью быть опрокинутымъ; рѣзко измѣняющаяся мѣстность отъ все ближе и ближе подступающихъ отроговъ Кавказскаго хребта, сближающихся съ Каспіемъ; большая жизненность природы, выражающаяся, какъ всегда, обиліемъ и роскошью растительности; далѣе Дербентъ — этотъ оригинальный татарско-персидскій городъ, съ крѣпостью на горѣ и остатками стѣны кругомъ до самаго берега моря, возбуждающій воспоминанія о Великомъ Петрѣ, геній коего указалъ намъ путь къ этимъ владѣніямъ; затѣмъ рядъ большихъ богатыхъ ауловъ, прочно изъ камня построенныхъ, утопающихъ въ роскошной, цвѣтущей зелени; Буйнакъ, напомнившій мнѣ соблазнительнаго *Амалатъ-бека* Марлинскаго, эту пылкую фантазію, приводившую когда-то въ восторгъ неопытныя юныя души и сманившую меня на Кавказъ; далѣе еще нѣсколько ауловъ и станцій,

уже посящихъ болѣе тревожно-воинственный характеръ, вслѣдствіе близости непокорныхъ горцевъ — вотъ что возникаетъ предо мною при воспоминаніи о тогдашнемъ странствованіи.

Наконецъ, въ полдень 2-го мая, я въѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, проскакавъ въ четверо сутокъ 840 верстъ. Сдавъ въ штабъ командующаго войсками привезенныя бумаги, я, по указанію „базарнаго“, остановился на квартирѣ въ домѣ какого-то женатаго солдата; отдохнуль сутки, явился командующему войсками князю Аргутинскому и былъ приглашенъ имъ къ обѣду; затѣмъ осмотрѣлъ административную столицу Дагестана, этого театра главнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ тридцатыхъ годовъ, и приготовился отправиться въ штабъ-квартиру своего Дагестанскаго пѣхотнаго полка, укрѣпленіе Пшкарты.

Темиръ-Ханъ-Шура, основанная въ 1832 году, какъ штабъ-квартира Апшеронскаго пѣхотнаго полка и центръ управленія Дагестаномъ, страдала недостаткомъ хорошей воды и отличалась классическою грязью и лихорадочнымъ воздухомъ, вслѣдствіе низменнаго своего положенія и какого-то гнилаго озера. Въ мой первый пріѣздъ въ 1851 году, она, впрочемъ, имѣла видъ порядочнаго уѣзднаго города, имѣла площадь съ неизбѣжнымъ базаромъ по воскресеньямъ, нѣсколько правильныхъ улицъ съ изрядными домами, не мало порядочныхъ магазиновъ и лавокъ, нѣсколько трактировъ съ билиярдами и въ одномъ даже съ *машиной*, переносившею слушателя въ Москву, главный пріютъ этихъ музыкальныхъ наслажденій. Былъ довольно обширный публичный садъ съ неизбѣжною дощечкой: „не мять, не рвать“ и т. д., гдѣ по праздникамъ играла музыка. Кругомъ Шура *) была обнесена неглубокимъ ровомъ; по фасамъ были устроены батареи, на коихъ красовались крупныя крѣпостныя пушки; двѣ или три башни доми-

*) Для сокращенія тарабарскаго названія Темиръ-Ханъ-Шура, всѣ говорили просто — Шура.

нировали надъ ближайшею окрестностью; въѣздъ и выѣздъ ограничивался тремя воротами: дербентскими, ишкартинскими и кяфыр-кумыкскими, у коихъ стояли часовые и никого безъ прикрытія не выпускали, особенно въ ишкартинскія, чрезъ которыя дорога вела въ нашу штабъ-квартиру по пересѣченной, лѣсистой мѣстности, ближе къ отрогу хребта, отдѣлявшаго Шамхальскую плоскость отъ непокорныхъ сосѣдей, койсубулинцевъ.

Населеніе Шуры, понятно, было исключительно военное, съ незначительною примѣсью русскихъ и армянскихъ торговцевъ и подрядчиковъ, да нѣсколькихъ евреевъ ремесленниковъ. Интеллигентное общество составляли чины штаба командующаго войсками, офицеры Апшеронскаго полка, нѣсколько инженеровъ и артиллеристовъ да значительный медицинскій персоналъ; массу же — люди Апшеронскаго полка и другихъ военныхъ командъ, да женатыя служащіе и отставные солдаты, устроившіеся весьма хорошо. Нечего грѣха таить, въ первомъ преобладали карты и сплетни, во второй — пьянство. Служебное дѣло, впрочемъ, исполнилось болѣе или менѣе удовлетворительно; о какихъ нибудь безпорядкахъ или крупныхъ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ не могло быть и помину *), не только потому что командовавшій войсками генераль-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгорукій, какъ я уже упоминалъ, былъ неоспоримо честный, безкорыстный человѣкъ, но еще болѣе потому, что онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, умѣлъ, помимо сплетень или мелкихъ интригъ, узнавать что дѣлается въ краѣ и имѣлъ въ этомъ отношеніи хорошаго помощника въ своемъ начальникѣ штаба, полковникѣ Индреніусѣ, принадлежавшемъ къ той категоріи офицеровъ, про которыхъ у насъ говорили:

*) Обычныя въ тѣ времена пользованія извѣстными „экономіями“ и выгодами, само собою, практиковались и тутъ; въ этомъ отношеніи во всей Россіи исключеній не было, а были только, такъ сказать, стѣпени: гдѣ слабѣе, осторожнѣе, гдѣ шире, безцеремоннѣе... Шура и вообще Дагестанъ при кн. Аргутинскомъ принадлежали къ категоріи умѣренныхъ.

„честенъ какъ шведъ“. Всѣ они, эти офицеры изъ финляндцевъ, отличались своею пуританскою честностью, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, нѣкоторымъ педантизмомъ, плохимъ знаніемъ русскаго языка, неособенными способностями, могущими выдвинуть человѣка изъ общей массы, и скромнымъ образомъ жизни. Это были въ высшей степени полезные труженики и помощники во всѣхъ отрасляхъ военной службы.

Умственная жизнь вертѣлась, главнымъ образомъ, на толкахъ о предстоящихъ и минувшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, на критикѣ распоряженій начальства, наградахъ и повышеніяхъ. Читающихъ было весьма мало. Въ мой пріѣздъ въ Шуру, много было разговоровъ о недавнемъ происшествіи, въ которомъ пострадалъ 1-й эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Дѣло въ томъ, что Гаджи-Мурадъ, о которомъ я рассказывалъ въ первой части, совершилъ одинъ изъ своихъ замѣчательно смѣлыхъ набѣговъ, пробравшись чрезъ Акушу къ берегу моря, угналъ пасшихся тамъ 200 казенныхъ лошадей Самурскаго пѣхотнаго полка и ушелъ съ ними, пробираясь въ тылу всѣхъ нашихъ укрѣпленій и штабовъ. Близъ урочища Озень, въ лѣсистой пересѣченной мѣстности, онъ былъ настигнутъ поскакавшими по тревогѣ изъ Шуры двумя эскадронами драгунъ, и, не видя возможности продолжать отступленіе, занялъ одну лѣсистую высоту, наскоро оградивъ ее нѣсколькими засѣками, и засѣлъ съ своими тремястами мюридами, рассчитывая, что драгуны въ этой позиціи его не рѣшатся атаковать; до прибытія же пѣхоты наступить ночь, и можно будетъ улизнуть, бросивъ добычу. Командовавшій драгунами подполковникъ Золотухинъ, зная что за нимъ бѣгомъ слѣдуетъ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, долженъ былъ бы, по возможности, окружить занятую горцами позицію, не давая имъ уйти до прибытія пѣхоты, которая уже распорядилась бы съ ними по своему, и, нѣтъ сомнѣнія, Гаджи-Мурадъ со всею партіей палъ бы жертвой отваги. Въмѣсто того, Золотухинъ, спѣшивъ одинъ эскадронъ, рѣшился съ нимъ атаковать лѣ-

систую, загражденную застѣками высоту, занятую болѣе чѣмъ второе сильнѣйшимъ непріятелемъ, притомъ храбрѣйшими наѣздниками, готовившимися въ своемъ отчаянномъ положеніи дорого продать свою жизнь. Заносчивость Золотухина имѣла печальныя послѣдствія: самъ онъ былъ убитъ, молодой офицеръ князь Ратіевъ тоже, эскадронный командиръ, капитанъ Джемарджидзе, и еще одинъ офицеръ ранены; изъ 85—90 человѣкъ въ эскадронѣ вышло изъ строя убитыми болѣе 30 человѣкъ... Безумный штурмъ былъ отбитъ, и Гаджи-Мурадъ, отдѣлавшись дешево отъ угрожавшей ему опасности, потерялъ лишь нѣсколько человѣкъ и ушелъ. А между тѣмъ баталіонъ почти бѣгомъ совершилъ 30-ти верстный переходъ и появился на мѣстѣ происшествія, когда непріятеля слѣды простыли!

И излишняя храбрость не всегда полезна и похвальна; все необходимо подчинять благоразумію. Кавказская малая война была великая школа; тутъ на практикѣ можно было поучиться и военному ремеслу, и военной администраціи, во всѣхъ ихъ разнородныхъ проявленіяхъ, и выработать нужную военному человѣку быстроту взгляда, силу характера и энергію. Была бы лишь нѣкоторая способность наблюденія, нѣкоторая подготовка, да охота учиться. Изъ этой школы вышли многіе хорошіе военные дѣятели, а нѣкоторые поистинѣ замѣчательные, впоследствии довершители долготѣней кавказской борьбы, внесли свои имена на страницы нашихъ лѣтописей—имена, которыя потомство должно будетъ произносить съ благодарностью.

Въ Шуру почти ежедневно приходили изъ Ишкарты оканіи за полученіемъ почты, денегъ, для пріема выписывающихся изъ госпиталя людей и т. п. Для этого въ Шурѣ постоянно находился изъ Дагестанскаго полка офицеръ, заведывавшій всѣми этими дѣлами. Къ нему я и отправился, чтобъ узнать, когда и какъ можно будетъ уѣхать въ Ишкарты. Отъ него я узналъ, что въ Шурѣ находится полко-

вой казначей, возвращающійся на другой день въ полкъ, и что, повидавшись съ нимъ, я устрою всё свои дѣла.

Отыскавъ квартиру казначея, подпоручика Ясницкаго, я встрѣтилъ въ немъ очень любезнаго однополчанина, предложившаго мнѣ мѣсто на своей повозкѣ, а моему Давыду съ вещами—на другой полковой телѣгѣ. Такимъ образомъ, 6-го мая мы выступили въ Ишкарты съ *оказіей*, подъ прикрытіемъ 40 человекъ, и пропутешествовали 14 верстъ часа три.

Въ теченіи этихъ часовъ мы успѣли наговориться досыта, и я получилъ нѣкоторое понятіе о полкѣ, о службѣ въ немъ, о начальствующихъ лицахъ, расположеніи баталіоновъ и разныхъ условіяхъ предстоящаго мнѣ, совершенно для меня новаго, полковаго житія-бытѣя. Между прочимъ, Ясницкій сказалъ мнѣ, что большинство вновь прибывающихъ въ полкъ офицеровъ полковой командиръ, полковникъ Броневскій, оставляетъ въ штабъ-квартирѣ, для испытанія степени ихъ познанія по фронтовой службѣ, что, конечно, не особенно пріятно, ибо лишаетъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а слѣдовательно и награды; но бываютъ и исключенія. Если я попаду въ число такихъ счастливицевъ, то мнѣ вѣрно не долго придется оставаться въ Ишкарты, такъ какъ въ концѣ мая отрядъ уже выступитъ въ горы; впрочемъ, изъ полка только одинъ 3-й баталіонъ поступитъ въ составъ отряда: 1-й, 2-й и 4-й расположены были въ разныхъ укрѣпленіяхъ и аулахъ для обороны края, а 5-й вообще постоянно остается въ штабѣ.

Прибывъ въ Ишкарты, я остановился въ отведенной мнѣ квартирѣ, и съ нѣкоторымъ волненіемъ сталъ ожидать слѣдующаго утра—явля къ новому начальству, о строгости и педантизмѣ коего я уже кое-что слышалъ, и дальнѣйшей своей судьбы. Признаюсь, сердце у меня постукивало не совсемъ спокойно: самый видъ Ишкарты уныло-сѣрый, отсутствіе всякой жизни и движенія, молчаливо кое-гдѣ проходящіе солдаты, тишина—уже настроивали на какой-то мрачный ладъ; а тутъ еще—сознаніе въ своемъ совершенномъ невѣжествѣ по части фронтовой службы, въ которой я былъ

хуже рекрута, воспоминанія о дѣятельности въ Тушинскомъ округѣ, Элису, Кутаисѣ, гдѣ такъ или иначе я игралъ болѣе или менѣе замѣтную роль, о своихъ отношеніяхъ къ наивысшимъ властямъ въ краѣ и т. д., и вдругъ долженъ очутиться въ жалкомъ положеніи ничего незнающаго ученика, подвергающагося за это рѣзкимъ замѣчаніямъ и выговорамъ... Я проходилъ весь вечеръ взадъ и впередъ предъ своею квартирой, думая, думая безъ конца... Давыдъ, между тѣмъ, устроивъ на скорую руку мою постель, стоялъ у воротъ и какъ-то печально приглашалъ меня идти чай пить. Онъ какъ будто инстинктивно догадывался о моемъ безпокойствѣ, и самъ, очутившись уже въ вовсе ему дикой сферѣ, былъ очевидно печаленъ, вспомнивъ, безъ сомнѣнія, объ оставленной далекой Грузіи, женѣ, саглѣ, шумящей Гюрѣ съ ея форелями...

И какъ это я такъ легкомысленно, думалось мнѣ, пустился въ такую службу? На чемъ это я основывалъ свои мечты, что вотъ прибуду въ полкъ, дадутъ мнѣ роту, пойду я съ нею въ походъ, начнется дѣло, меня пошлютъ занять какую-нибудь гору или обойти непріятеля, все это я отлично, какъ опытный въ горахъ человѣкъ, исполню, въ рѣшительную минуту крикну: „за мной, братцы, ура!“ послѣдуетъ молодецкій ударъ въ штаны, непріятель побитъ, я возвращаюсь съ торжествомъ, пишется и печатается реляція, получаютъ награды... Чортъ знаетъ, какую глупость сдѣлалъ!—упрекалъ я себя, все болѣе и болѣе озлобляясь и впадая уже въ противоположную крайность. Вотъ засадятъ въ Ишкарты изучать фронтовую службу, очутишься послѣднимъ изъ послѣднихъ, слушаешься каждый день этихъ: „вы, м. г., ничего не знаете, извольте учиться, такъ служить нельзя-съ, вы здѣсь не приставъ“ и т. п. Окончательно обезкураженный и утомленный, я наконецъ повалился на свою походную желѣзную кровать и долго еще ворочался, пока не заснулъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ...

Въ восемь часовъ утра, въ полной формѣ, отправился

являться. Прихожу въ переднюю квартиры полковаго командира, застаю трехъ офицеровъ при шарфахъ, одного унтеръ-офицера и рядоваго съ ружьями, въ ранцахъ и горниста съ трубой. Спрашиваю, какъ мнѣ явиться къ полковнику. Говорятъ, подождите здѣсь, онъ сейчасъ выйдетъ, тогда представитесь. Идемъ. Черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіи коихъ одинъ изъ офицеровъ все осматривалъ унтера и рядоваго, поправляя на нихъ то ранецъ, то какой-нибудь крючокъ, то повторяя: „смотри-же, подходить смѣло, говорить громко, внятно,“—отворилась дверь, и на порогѣ предсталъ полковникъ, видный, среднихъ лѣтъ мужчина, съ просѣдью, строгій, внушительный взглядъ. Какъ только онъ остановился, къ нему подошелъ офицеръ, вытянувшись въ струнку, руки по швамъ.

— Господинъ полковникъ, на всѣхъ постахъ и караулахъ Его Императорскаго Величества обстоитъ благополучно.—Отступилъ въ сторону.

Подходить другой.

— Господинъ полковникъ, дежурнымъ по карауламъ въ укрѣпленіе Ишварты назначенъ.—Отступилъ.

Третій.

— Господинъ полковникъ, визитирь-рундомъ назначенъ.

Полковникъ, дѣлая видъ, что меня не замѣчаетъ, обращается къ унтеръ-офицеру: „подходи“.

Тотъ беретъ на плечо, подходить три шага, вытянувшись, выпучивъ грудь, втянувъ животъ, смотря прямо предъ собою; остановился, громко говорить: „къ вашему высокоблагородію отъ 15-й мушкатерской роты на ординарцы наряжонъ“. Едва замѣтно легкое дрожаніе въ голосѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Иванъ Бондарчукъ, ваше высокоблагородіе.

— Съ котораго года на службѣ?

— Съ 1844, ваше высокоблагородіе.

— Какой губерніи?

— *Катеринославской*, ваше высокоблагородіе.